

УДК 94: [327. 323. 3: 321. 61 (497. 1) «1929/193»]

Установление диктатуры короля Александра Карагеоргиевича в оценках Коминтерна

Гряник В. А.

Гряник В. О. Встановлення диктатури короля Олександра Карагеоргієвича в оцінках Комінтерну. У статті висвітлено ставлення Комуністичного Інтернаціоналу до нового політичного режиму, котрий було встановлено 6 січня 1929 р. в Югославії. Комінтерн оцінював режим як «військово-фашистську диктатуру», що спиралась на крупну буржуазію та куркульство, підкреслював підтримку її збоку Англії та Франції. Компартія Югославії, неадекватно оцінюючи обставини, котрі склалися, закликала маси до збройного повстання та повалення монархії, що відповідало політичному курсу міжнародної комуністичної організації, яка встала на шлях «більшовизації».

Ключові слова: Комінтерн, Югославія, Олександр Карагеоргієвич, диктатура, збройне повстання.

Гряник В. А. Установление диктатуры короля Александра Карагеоргиевича в оценках Коминтерна. В статье освещено отношение Коммунистического Интернационала к новому политическому режиму, установленному 6 января 1929 г. в Югославии. Коминтерн оценивал режим как «военно-фашистскую диктатуру», опирающуюся на крупную буржуазию и кулачество, подчеркивал ее поддержку со стороны Англии и Франции. Компартия Югославии, неадекватно оценивая обстановку, призывала массы к вооруженному восстанию и свержению монархии, что соответствовало политическому курсу международной коммунистической организации, вступившей на путь «большевизации».

Ключевые слова: Коминтерн, Югославия, Александр Карагеоргиевич, диктатура, вооруженное восстание.

Gryanyk V. The Process of Setting Dictatorship by the King Alexander Karageorgievich in Komintern Evaluation. The article spotlights the attitude of the Communist International to the new political regime, established in Yugoslavia 6, January 1929. Komintern evaluated the regime as "military-fascist dictatorship" that relies upon the upper middle class and kulaks, underlined its support from the side of England and France. Communist party of Yugoslavia inadequately assessed the situation and called on the masses to armed revolt and overthrow of monarchy that was corresponded with policy line of international communist organization that entered upon the path of Bolshevism.

Keywords: Comintern, Yugoslavia, Alexander Karageorgievich, dictatorship, armed revolt.

Коммунистический Интернационал (КИ) являлся революционно-ориентированной международной организацией, созданной для развития, распространения, популяризации и внедрения в жизнь идей воинствующего социализма с целью реализации главной задачи – проведения мировой революции и установления диктатуры пролетариата в странах всего мира [1, с. 11]. Это была влиятельная сила в международной политике межвоенного периода, способная манипулировать чаяниями миллионов людей [15, с. 7]. Как организация мирового масштаба, КИ реагировал на любые изменения политической ситуации на планете, и в частности в Европе. Одним из таких значимых событий стал государственный переворот, осуществленный королем Александром Карагеоргиевичем в январе 1929 г., и последующие нововведения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС).

Оценка этих событий со стороны организации, позиционировавшей себя как главный оплот демократических идей в мире, является крайне интересной. Тем более, что поднятая нами тема остается практически не исследованной. В трудах общего характера советских авторов преимущественно освещается история и развитие Коммунистической партии Югославии (КПЮ) [см., напр.: 25], а король Александр характеризуется лживым, коварным представителем сербской великодержавной буржуазии, ненавистником большевизма [30, с. 528].

Источниковой базой статьи послужили материалы Балканского лендерсекретариата (БЛС) Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) и КПЮ из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также периодика КИ. Цель нашей работы – выяснить отношение III Интернационала к новому политическому режиму в одном из крупнейших государств на Балканах.

6 января 1929 г. население КСХС из газет узнало об изменении государственного устройства страны. Режим конституционной монархии сменил абсолютизм: скупщина была распущена, Видовданская конституция отменлась, а власть сосредоточилась в руках монарха. В опубликованном манифесте Александр I Карагеоргиевич разъяснял своим подданным неэффективность и вредность политики парламентаризма и конституционализма предшествующих 10 лет, заверяя, что только путем «устранения посредников между королем и народом» и возложения всей ответственности на себя он спасет от распада и укрепит единое государство южных славян [24, л. 49]. Был принят ряд законов, направленных на достижение полного государственного единоначалия, а также на устранение непосредственных противников автократии – традиционных политических представителей сербов, хорватов и словенцев. Кроме ранее запрещенной КПЮ, были распущены все политические партии и организации, носящие «племенной и религиозный

характер». В соответствии с новым указом об общинах распускались все выборные органы самоуправления [31, с. 266]. Король напутствовал новое правительство П. Живковича^{*} на достижение полного духовного единства народов, населяющих королевство, что требовало унификации законодательства. Грубое урезание демократических свобод, начавшееся с узурпации власти монархом, декларировалось им как желание «положить конец шовинистическим настроениям отдельных областей, которые продолжали ... приносить огромный ущерб народному и государственному единству» [31, с. 266].

Эти события сразу же попали в поле зрения КИ. Все аспекты внутренней и внешней политики фиксировались, обсуждались и комментировались на национальных совещаниях, заседаниях БЛС ИККИ, а также в коминтерновской прессе, в частности в журналах «Коммунистический Интернационал», «Аграрные проблемы» и пр. Интерес КИ к событиям в КСХС в первую очередь объяснялся геополитической составляющей, поскольку к этому времени фактически произошло полное отождествление его интересов как международной идейно-политической организации коммунистов и СССР как «международного социалистического острова» [28, с. 142]. КСХС рассматривалось в качестве звена «санитарного кордона», столь беспокоившего советское руководство [7, с. 136], в якобы готовящейся войне «империалистического фронта» против СССР [28, с. 153]. VI конгресс КИ (июль 1928 г.) обозначил установку на разрушение версальской Югославии, считавшейся «бастионом подготовки империалистической и антисоветской войны» [6, с. 102].

Строго говоря, «югославский вопрос» ставился коминтерновскими функционерами еще до провозглашения самодержавия. Так, на заседании Балканского Лендерсекретариата от 15 января 1929 г. в повестке дня появился пункт о «фашистско-генеральском перевороте», где отмечалось, что резолюция IV съезда КПЮ, проходившего в ноябре 1928 г., содержала указание на опасность установления диктатуры [19, л. 2; 25, с. 64]. Утверждалось, что югославские коммунисты «предвидели» ее военный характер под гегемонией офицерской организации «Белая рука» [19, л. 12]. Коминтерновские журналы прогнозировали в недалеком будущем прилив ненависти населения к престолу, который, согласно их логике, был «игрушкой в руках военной клики». Само провозглашение диктатуры считалось не шагом на пути к разрешению государственного кризиса, вызванного обострением межнациональных противоречий, а «одним из его этапов». С полной уверенностью отмечалось: «на годы диктатуру в Югославии им удержать не удастся» [18, с. 39]. Но уже в конце 1929 г. такие

---

^{*}П. Живкович – генерал, командующий королевской гвардии, один из руководителей сербской националистической организации «Белая рука».

высказывания БЛС назвал оппортунистическими [20, л. 23], признав основательность установленного режима.

Январский переворот характеризовался как результат совместных усилий югославской буржуазии, представителей финансового капитала Сербии и Хорватии [19, л. 11], подстрекаемых англо-французским империализмом, желающим «расширить антисоветский блок» [19, л. 24]. Король Александр якобы получил «разрешение от Парижа» на проведение переворота, а английский посол в Белграде Кеннард «отыграл значительную роль во всех внутривластных вопросах и принял в подготовке переворота активное участие» [11, с. 25-26].

Выводы эти были следствием изменения тактики КИ в связи с процессом его «большевизации», достигшего апогея зимой 1928–1929 гг. [7, с. 127], и ухудшения отношений Москвы с Великобританией и Францией, которые объявлялись подстрекателями «новой империалистической войны», а Югославия, заключившая 11 ноября 1927 г. договор о дружбе с Францией [13, с. 102], – их сателлитом. Стенограммы, обращения, листовки КИ и КПЮ, как одной из его секций, содержали призыв к народам Югославии о «борьбе против угрозы империалистической войны» [19, л. 24], «защите Советского Союза» [23, л. 75], в котором виделась международная твердыня пролетарской революции и «общее отечество» мирового пролетариата [32, с. 243].

Дополнительную неприязнь к режиму короля Александра со стороны СССР, а, следовательно, и КИ вызывал тот факт, что самодержец, получивший образование в царской России, слыл ярым сторонником поверженной династии Романовых [16, с. 36], его же политическим идеалом являлась абсолютная монархия [8, с. 13]. К тому же правящие круги КСХС предоставили политическое убежище тысячам русских [14, с. 110], не принявших Октябрьскую революцию, и установили контакты со штабами Деникина и Колчака (апологетов антибольшевизма), имея там своих представителей [12, с. 149].

В ликвидации конституционного режима особо отмечалась «предательская роль» социал-демократии, которая «отрицала революционные методы борьбы, выступала против диктатуры пролетариата», а посему являлась контрреволюционной [29, с. 150]. В 1928 г. вождей социал-демократии окрестили «социал-фашистами», во много раз более опасными, чем настоящие фашисты [15, с. 24]. Исходя из этой установки, член Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ) М. Горкич (И. Чижинский) на заседании БЛС 27 декабря 1929 г. подчеркивал, что начиная с 1920 г. югославская социал-демократия отличалась большими симпатиями по отношению к господствующим классам, а впоследствии пошла с ними на прямой союз [20, л. 4].

Высказывания и публикации коминтерновцев осуждали любые действия короля Александра Карагеоргиевича и правительства П. Живковича. Все прения сводились к лозунгам защиты простого

трудового населения, которое теперь оказалось в «жесточайшей кабале сербской буржуазии», пошедшей на союз с крупными капиталистами – предателями «угнетенных» народов. Югославские коммунисты констатировали: «Мы не относились к числу тех, которые видят в югославском перевороте целительное средство для укрепления государственного организма..., мы отрицательно относимся к какой бы то ни было буржуазной диктатуре» [18, с. 31]. Коммунисты стремились убедить население всех несербских областей в том, что правительство пытается сербизировать их, потопить национальные движения в крови и «на костях рабоче-крестьянских борцов укрепить основу своей гегемонистической власти» [23, л. 73].

Большое внимание таких деятелей, как Лазич, Горкич, Бошкович (Филипович), Коларов и других, привлекало экономическое положение страны, которое неизменно рисовалось в черных красках. Крайне негативно оценивались попытки властей преодолеть экономический кризис в сельском хозяйстве, где было занято 76, 3% всего трудоспособного населения [13, с. 123]. Выводы их сводились к единому мнению – «в стране царит разруха», по всем линиям и в области сельского хозяйства «не только не чувствуется и не имеется никаких признаков улучшения, наоборот, положение страны все больше и больше ухудшается» – царит общая тенденция к «гниению» во всех отраслях [19, л. 3]. А все действия правительства якобы были желанием сохранить «кулацко-помещичье» устройство отрасли путем осуществления столыпинской реформы [20, л. 9], усилив до предела угнетение крестьянских масс, доведенных до крайней нищеты и голодной смерти [21, л. 2].

Классовое угнетение усматривалось и в налоговой сфере: утверждалось, например, что рабочие оплачивали в 4 раза больше (185,68 динаров на 1 тыс. дохода), чем крупная буржуазия (46 динаров), крестьяне – в 2 раза больше (101,68 динаров), ремесленники – в 3 раза больше (124,05 динаров) [21, л. 5]. Помимо классового неравенства, продолжало существовать национальное – главная тяжесть государственных налогов падала на несербские области, а расходование этих средств шло в пользу Сербии [5, с. 62]. В протоколе № 8 заседания БЛС ИККИ от 9 марта 1929 г. говорилось, что сербская буржуазия, аннексировав пречанские территории (территории к северу от Савы и Дуная), по отношению к ним проявляет «империалистические тенденции» [19, л. 168 об.]. Именно она объявлялась главным врагом всех рабочих и крестьян королевства [23, л. 74].

Социально-экономическая ситуация в государстве действительно была сложной: ведь установление королевской диктатуры почти совпало с мировым экономическим спадом, затронувшем все без исключения европейские, а в их числе и балканские, страны. К внутренним неурядицам добавлялись сложности, связанные с

внешним долгом королевства, который составлял приблизительно 32 млрд. динаров [19, л. 4; 22, л. 74]. Единственный выход из затруднительного положения югославские правящие круги видели в получении иностранного займа в размере 15 миллионов фунтов стерлингов [19, л. 4; 22, л. 9]. Французский капитал теперь, по утверждению коммунистической печати, приобрел решающее влияние на Югославский эмиссионный и другие государственные банки путем предоставления займа на стабилизацию динара и его поддержку [5, с. 49-50]. Такое разрешение финансового кризиса осуждалось, как «верноподданническая политика» Белграда; при этом умалчивалось о том, что соглашаясь предоставить крупный заем, Франция требовала взамен смягчения абсолютистского режима.

Острой критике со стороны функционеров КИ и югославской политической эмиграцией в Москве подвергались внутренние преобразования Александра Карагеоргиевича, особенно административная реформа, перекраивающая по-новому внутренние границы. В октябре 1929 г. было изменено название страны на «Королевство Югославия», происходил процесс унификации всех отраслей жизнедеятельности государства, что противоречило федералистским устремлениям хорватов и словенцев. Этот шаг стал следствием желания короля, не признающего мультиэтничности югославского общества [12, с. 145], усилить «народное единство» [31, с. 267], выразить идею «полного равенства, равноправия и братства» [12, с. 155]. Однако, как точно подметил московский историк А. И. Сыч, «Александр явно ошибся, полагая, что королевским декретом можно создать югославский национализм, одинаково приемлемый для всех народов его королевства» [26, с. 128].

Коммунистами же реформа расценивалась как такая, что лишала народы Югославии права на самоопределение, носила «великосербский» характер [25, с. 68], а на государство вешался ярлык «балканской тюрьмы народов» [28, с. 141]. Запрет культурных и спортивных национальных организаций воспринимался ими как «принудительное стирание различий между нациями, населявшими страну»; подчеркивалась «фашистская политика» и по отношению к этническим меньшинствам – венграм, немцам, албанцам – через закрытие национальных товариществ и школ [20, л. 22]. И это при том, что сербы составляли меньшую часть населения страны – около 40% [9, с. 157].

Режиму Александра Карагеоргиевича непременно прикреплялось клише «фашистский», тогда как по своему классовому содержанию диктатура объявлялась принадлежащей сербской, хорватской и словенской «крупной финансовой буржуазии» [10, с. 104]. К тому же установлению диктатуры сопутствовала «консолидация правых сил,

---

* Вместо 33 областей страна была поделена на 9 бановин. Во главе каждой стоял бан, назначаемый королем.

выделившихся во всех сербских партиях» [11, с. 23-24]. Как утверждалось в коминтерновской печати, одной из основных опор королевской диктатуры были «вновь создаваемые фашистские партии, а зачатки такой партии уже существовали во время переворота» [11, с. 28]. Другая характеристика, данная диктатуре коммунистами, – «военная» – обуславливалась не только присутствием генералов и офицеров на руководящих постах, но и тем, что «в подготовке и проведении диктатуры принимали участие военно-фашистские и придворные организации» [11, с. 28].

Но чаще всего события 1929 г. характеризовались исключительно как узурпация власти сербами, «легализация гегемонистской диктатуры крупной сербской буржуазии» [19, л. 23]. Введение же в правительство представителей других национальностей рассматривалось лишь как «замыливание глаз», направленное на «усыпление бдительности национально-освободительного движения» [18, с. 27].

Национальные противоречия особенно подчеркивались в связи с тем, что разжигание внутрисударственных конфликтов продолжало оставаться в планах КИ в числе его наиболее приоритетных установок [27, с. 271], а этнический потенциал балканского геополитического пространства рассматривался как основной фактор возможных политических трансформаций в желательном для Коминтерна направлении [28, с. 123]. Правящей верхушкой был выдвинут лозунг единой нации, необходимый, по словам Ф. Филиповича, для «прикрытия политики национального гнета» [2, с. 81]. Политическая унификация коснулась даже молодежных организаций, которые коммунисты считали «фашистскими». Так, имеющие узконационалистический характер СРНАО (Сербская национальная молодежь), ХНАО (Хорватская национальная молодежь) и ОРЮНА (Югославская национальная молодежь) распускались, а их место заняли «официальные фашистские организации» – «Народная оборона» и «Партизаны Петра Карагеоргиевича» [22, л. 3]. В разряд фашистских организаций зачислялись «Сокол», «Адриатическая стража», «Молодая Югославия», «Общество запасных офицеров», «Союз скаутов югославского королевства» [3, с. 36]. Прекратила свое существование вся национально ориентированная политическая пресса [18, с. 27-28], ее место занимала новая – как считалось коммунистами – «фашистская», например, политико-экономический журнал «Народно благостанье» [4, с. 59]. При этом, что характерно, крайне правых националистов во главе с А. Павеличем, поставивших своей целью насильственным путем добиться независимости Хорватии, коммунистическая пропаганда рассматривала в качестве потенциальных союзников по «единому фронту снизу».

Таким образом, коммунистические оценки режима королевской диктатуры Александра I Карагеоргиевича в большинстве своем не отражали реальной действительности, а лишь дублировали шаблонные фразы, применяемые к оцениванию «реакционных» режимов. К тому же

основные глашатаи по «югославскому вопросу» на заседаниях БЛС – Ф. Филипович, с 1924 г. проживавший вне королевства [17, с. 146], М. Горкич, покинувший страну уже в ночь государственного переворота [19, л. 16], и другие в основном пересказывали информацию, полученную от «некоторых товарищей» из нелегально работавшей КПЮ, не имея возможности составить свою собственную точку зрения на происходящее. При этом утверждалось, что то спокойствие в Югославии, которое охватило все слои населения, свидетельствует лишь об одном – пресса в королевстве оказалась под жесткой цензурой [18, с. 40], и югославы, в отличие от коммунистических деятелей вне государства, не ведали, что ждет их после 6 января 1929 г.

КИ оперативно реагировал на события, происходящие на Балканах, стремился дискредитировать режим королевской диктатуры в Югославии как преступную форму государственности, которая проявляла фашистский характер, контролировалась военными кругами, опиралась на крупных финансистов и кулачество, поддерживаемых империалистическими кругами Англии и Франции. По мнению коминтерновских функционеров, установление нового политического режима не улучшило условий жизни южных славян, а привело к ухудшению всех сфер жизнедеятельности. Невероятных размеров достигал экономический гнет и политический террор, от сильного притеснения страдали национальные меньшинства, да и вообще все народы королевства. Единственным выходом из этой ситуации провозглашалась социалистическая революция, которая должна была наладить жизнь трудящихся города и деревни по примеру СССР.

Примечания

1. *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна (от конгресса к конгрессу) / Г. М. Адибеков, Э. Н. Шахназарова, К. К. Шириня // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки. – М., 2002.
2. *Бошкович Б.* Балканы и международный империализм / Б. Бошкович. – М., 1936.
3. *Бошкович Б.* К событиям в Югославии / Б. Бошкович // Аграрные проблемы. – 1934. – Книга 9/10.
4. *Бошкович Б.* Кризис фашистско-генеральской диктатуры и крестьянское движение в Югославии / Б. Бошкович // Аграрные проблемы. – 1930. – Книга 2/3.
5. *Бошкович Б.* Малая Антанта / Б. Бошкович. – М., 1934.
6. *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. Васильева, В. Гаврилов. – М., 2000.
7. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы / А. Ю. Ватлин. – М., 2009.
8. *Волков В. К.* Операция «Тевтонский меч» / В. К. Волков. – М., 1966.
9. *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX века / А. Г. Задохин, А. Ю. Низовский. – М., 2000.

10. Горкич М. Крестьянство и самодержавие в Югославии / М. Горкич // Аграрные проблемы. – 1929. – № 2.
11. Горкич М. М. Экономические и классовые корни диктатуры в Югославии / М. М. Горкич // Коммунистический интернационал. – 1929. – № 11.
12. Зеленин В. В. Король Александр Карагеоргиевич, 1888–1934 / В. В. Зеленин // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). – М., 1993.
13. История Югославии: в 2 т. / Л. Б. Валеv, Г. М. Славин, И. И. Удальцов. – М., 1963. – Т. 2.
14. Козлитин В. Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945 / В. Д. Козлитин. – Харьков, 1996.
15. Макдермотт К., Агню Д., Давидян И. С. Коминтерн: История международного коммунизма от Ленина до Сталина: перевод с англ. / К. Макдермотт, Д. Агню, И. С. Давидян. – М., 2000.
16. Миличевич П. Шесть агрессий Запада против южных славян в XX-ом столетии / П. Миличевич. – М., 1999.
17. Мовчан С. П. Ф. Філіпович – відданий борець за справу комунізму (до 50-річчя заснування КП Югославії) / С. П. Мовчан // Українське слов'язнознавство. – Львів, 1970. – Вип. 1.
18. Нотович Ф. Государственный кризис в Югославии / Ф. Нотович // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1929. – № 4.
19. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 69. – Д. 17.
20. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 69. – Д. 21.
21. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 69. – Д. 24.
22. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 69. – Д. 233.
23. РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 70. – Д. 60.
24. Российский государственный военный архив. – Ф. 579. – Оп. 1. – Д. 88.
25. Севьян Д. А. Из истории Союза коммунистов Югославии, 1919–1945 / Д. А. Севьян. – М., 1982.
26. Сыч А. И. Национальный аспект Версальской системы / А. И. Сыч // Вопросы истории. – 2004. – № 1.
27. Улунян Ар. А. Коминтерн и Балканы: революционная геополитика. 1919–1938 / Ар. А. Улунян // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки. – М., 2002.
28. Улунян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. / Ар. А. Улунян. – М., 1997.
29. Ундасынов И. Н., Яхимович З. П. Коммунистический Интернационал: достижения, просчеты, уроки / И. Н. Ундасынов, З. П. Яхимович. – М., 1990.
30. Цареубийства. Гибель земных богов. – М., 1998.
31. Югославия в XX веке: очерки политической / Отв. ред. Никифоров К. В. – М., 2011.
32. Gligorijević B. Komintern, jugoslovensko i srpsko pitanje / B. Gligorijević. – Beograd, 1992.